

Лев ПУЧКОВ

КОНТРАТERRORИСТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

КТО

МАСТЕР
МОКРЫХ ДЕЛ

Контртеррористическая операция

Лев Пучков

Мастер мокрых дел

«ЭКСМО»

2014

Пучков Л. Н.

Мастер мокрых дел / Л. Н. Пучков — «Эксмо»,
2014 — (Контртеррористическая операция)

Кинолог Сергей Рудин по кличке Пес, за плечами которого немалый опыт службы в горячих точках, оказался в патовой ситуации. Альянс, которому он служил верой и правдой, подозревает его в убийстве хозяина. Да еще все уверены, что общак альянса похитил именно он. Рудин пытается выяснить, кто стоит за всем этим, и отвести подозрение от себя. Он еще не знает, что суперкиллерша Ли должна уничтожить руководство альянса по заказу конкурентов. Но когда узнает, будет уже поздно... Книга входит в роман «Собачья работа» в качестве второй части.

© Пучков Л. Н., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Лев Пучков

Мастер мокрых дел

© Пучков Л., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

– Нашли их «уазик». – Улюм вытер вспотевший лоб рукавом и посветил еще раз фонариком на «уазик» с разрисованным тентом. – Точно – их, больше некому. Двери открыты, пустой.

– Я так и знал... – Голос Саранова, доносившийся из трубки мобильного телефона, был похож на предсмертный хрип наполовину утащенного в преисподнюю грешника. – Кошеля работа – я тебе говорил, предупреждал... Как раз его люди там стояли. Пустой, говоришь?

– Ага, пустой, – виновато шмыгнул носом Улюм. – Ты не переживай, мы все поправим. Все поправим...

– И где ты их собираешься искать? – не обратил внимания на заверения Саранов. – У этих воров тут каждый третий двор – малина. Домой к Кошелю вряд ли повезут – не совсем же идиоты... Да, твои люди сейчас что делают?

Бандитский вожак осмотрелся: трое курили у обнаруженного «уазика», рассматривая в свете фар песью морду на тенте, остальные сидели в машинах и ждали указаний. Что тут делать? Темнота, пока не рассветет, ни о каких активных поисках нечего и мечтать.

– А смотрят тут вокруг, – наигранно бодро доложил Улюм. – Ну, следы, может, какие предметы обнаружатся... А! Ты шибко не раскисай – не все потеряно. Я тут подумал – посидим маленько, организуем засаду. Как рассветет, должны они вернуться – осмотреть тут все...

– Зачем вернуться? – вяло удивился Саранов. – Чего они там забыли?

– Я бы, например, так и сделал, – убежденно заявил Улюм. – У Пса должна быть нычка – помнишь, Григорий говорил? Ну вот – если они здесь пасли их, значит, нычка где-то поблизости.

– Если бы знали наверняка, давно бы вскрыли этот их тайник, – возразил Саранов. – Что им мешало сделать это раньше?

– Ничего не мешало, – согласился Улюм. – Но они не знали, где нычка. Сейчас поболтают с Псом маненько – а спецы насчет поболтать у них имеются, – он быстренько расколется, назовет нычку, и они сюда припрутся. А мы их тут – со всех стволов. Заберем бабочки и свалим. Так что ты шибко не переживай...

– Думаешь, успел он бабки скинуть? – с затаенной надеждой спросил Саранов. – Думаешь... думаешь, не с бабками его прихватили?

– «Уазик» почти на самом выезде, – компетентно пояснил Улюм. – Взяли, вытрусили из тачки, повязали, покатали. Если тачка не нужна, ее бросают на месте. Тащить ее никто не станет – нема дурных. А нычка наверняка где-то за пустырем – не ближе. Вот и суди – бабки скинул, покатыл в город, тут его и...

– А если не скидывал? – тревожно предположил Саранов. – Если он как был – с бабками – поперся в город, а его повязали?

– Ну че он – совсем дурак? – досадливо воскликнул Улюм. – Дураку понятно: в промзоне спрятать – армия год искать будет, хер найдут. А в город... Сам подумай – ну кто с такими бабками по городу раскатывать будет?

– А если все-таки с бабками взяли? – уперся Саранов. – Тогда Кошелю нет смысла искать тайник. И мы не сможем его людей выследить, не сможем сесть на хвост... Что тогда?

Шестеренки в голове Улюма угрожающе закрипели. Он насупил, закусил губу и принялся лихорадочно соображать. Взаимоотношения между лидерами альянса до недавнего времени были определены четко и однозначно: Саранов – мозг сообщества, генератор идей и, образно выражаясь, главный администратор;

Толхаев – коммерческий директор, экспедитор и снабженец в одном лице, а он, Улюм, – командующий вооруженными силами, который отвечает за силовые аспекты различных мероприятий и безопасность. До недавнего времени... Толхаев получил пулю в голову – до сих

пор, кстати, не удалось выяснить, при каких обстоятельствах, недосуг было в тревогах нынешней ночи выкроить минутку, чтобы поинтересоваться судьбой соратника. Мозг сообщества в настоящий момент продуктивно соображать не желает – и есть на то объективные причины. Если бы Саранов задал подобный вопрос три дня назад, Улюм с обидой в голосе ответил бы что-нибудь типа: «Думать – это твое дело. Мое дело – стрелять и драться...» Но сейчас ситуация изменилась. Саранов свою часть исполнил от и до: все рассчитал, продумал, даже предупредил, что люди Вора сидят на окраине промзоны, но Улюм предупреждению не внял – проигнорировал. Общак альянса ушел по его вине – и ушел до обидного просто. Черт, надо же так обмишулиться! Из-под самого носа, без единого выстрела, без каких-либо претензий на оригинальность... В общем, не мог Улюм ответить по-старому на вопрос Саранова. Не имел морального права. Теперь от его расторопности и смекалки зависело, вернет сообщество «честно» заработанные деньги или потеряет их безвозвратно...

– Если никто не появится, поедem к Вору, – рубанул сплеча Улюм. – Придется идти на обострение.

– В смысле – «стрелку» забить? – уныло предположил Саранов. – Не скажет он ничего. Отопрется – нет, мол, и все тут. За такие бабки я, например, все, что угодно, сокру...

– При чем здесь «стрелка»? – удивился наивности «мозга» Улюм. – Вломимся, предъявим, потолкуем...

– Ты это – не того, – сторожко перебил Саранов. – Вдруг наши номера прослушивают?

– Не думаю, – отмахнулся Улюм. – Если они вели Гришу и Пса, вполне могли Гришин телефон «насадить». А сразу три – вряд ли. Это кажется, что прослушку на мобильный установить – раз плюнуть. Не, вряд ли... Но мысль мою ты уловил – ага?

– Уловил, – согласился Саранов. – Давай так: сядь там, жди. Если ничего не выждешь – встретимся, пообщаемся. Главное, мы знаем – кто. Это очень важно... Кстати – «уазик» обыскали?

– Че его обыскивать? – удивился Улюм. – Пустой – видно сразу, двери открыты. Те – сто пудов – обшмонали его вдоль и поперек.

– А ты не ленись – посмотри внутри, – посоветовал Саранов. – Может, чего забыли... – В его голосе прозвучала зыбкая надежда на несбыточное.

– Ладно, не отключайся, – не стал отказываться Улюм. – Щас гляну... – и направился к «уазу», не радостно ухмыляясь. «Забыли!» «Мозг» настолько расстроен случившимся, что утратил способность соображать. Это только в детективах бывает, что на месте происшествия забывают важную улику, которую потом «совершенно случайно» обнаруживает какой-нибудь ловкий пацан, представленный в образе главного героя. В жизни ничего такого не случается...

– Е...ный по голове... – растерянно протянул Улюм. – Вот так ни фуя себе... – Это большой бандит таким образом выразил свое безразмерное удивление, обнаружив под передним сиденьем завернутую в тряпку «беретту». – Нет, точно – моя работа стрелять и драться...

– Ты чего там бормочешь? – заорал Саранов. – Нашел?! Чего нашел?

– Ну, бабок, сам понимаешь, нет, – пробормотал Улюм, рассматривая пистолет в свете фонаря. – Ствол нашел... Из какого ствола Гену с пацанами рассчитали?

– Из нерусского, – живо отреагировал Саранов. – Экспертиза показала, что... э-мм...

– Ну, короче, из «беретты», – не стал дожидаться его просветления Улюм. – Нет, я не хочу ничего такого сказать, но... В общем, я нашел под сидишкой «беретту» – стреляную. С тремя патронами в магазине. Чего эти придуры тачку не обшмонали – я весь в непонятках! Но – нашел. Ты все понял, нет?

– Понял, я понял, – удрученно пробормотал Саранов. – Моя гипотеза подтвердилась. Непонятно, каким макаром Кошель вышел на Рудина с Гришей. Ну ты там сиди – жди. Может, действительно приедут по светлому... У тебя людей хватит, чтобы... Ну, если что... А?

– Не волнуйся – это мои заботы, – ободрил соратника Улюм. – Я тут посижу. Но – удави меня на месте! – больше всего хотел бы побазарить с Псом... Ох я бы с ним поболтал...

...Улюм был не одинок в этом своем стремлении. Такое же желание в этот час испытывал и один из сильных мира сего – вор в законе Кошель. Несмотря на то что он мог осуществить свое стремление на практике, «разговора по душам» пока что не получалось.

Трое незадачливых охотников сидели на широкой скамье в просторной бане загородного домика Лимона – одного из пацанов Кошеля. Хрестоматийный подвал в усадьбе Димона отсутствовал: домишко никак не тянул на новорусские хоромы – был сложен еще дедом уголовного в незапамятные времена. Зато баня была на все сто: добротная, с огромным предбанником, имевшим небольшое оконце и отменную звукоизоляцию.

Итак, Рудин, Соловей и Масло сидели на скамье, крепко связанные капроновой веревкой, несли, с точки зрения Вора, полнейшую дичь и колотья не собирались.

Кошель не торопился. Хотя «беседа» длилась уже довольно долго, Вор не спешил применять средства активного воздействия. В его практике было немало случаев, когда «клиент» выдавал самые невероятные сведения, чтобы избавиться от боли и угодить палачу, а потом выяснялось, что информация сильно искаженная или утрированная, – эти промахи не только влияли на успех мероприятия, порой даже приносили большие убытки. Так, три года назад под пыткой один из коммерсантов оговорил приближенного Вора – некоего Цылю, которого блатные подозревали в краже денег из воровского общака. Цылю замочили, а потом выяснилось, что он был не виновен. Памятуя об ошибках прошлого, Кошель не спешил пока прибегать к силовому давлению. Времени навалом, никто не торопит – Вор хотел до тонкостей разобраться в сути, сделать правильные выводы, а уже потом, определившись с направлением приложения усилий, выдать на-гора весь арсенал, имеющийся в его распоряжении.

– Значит, на крыс охотились, – в очередной раз уточнил Кошель, потрогав носком ботинка один из пластиковых контейнеров, лежавших на полу. – Что ж – складно. Очень даже складно...

– Охотились, – подтвердил Рудин, сладко зевая во весь рот. Он вольготно развалился на скамье, стараясь выжать из неудобного положения максимум комфорта и пытаясь вздремнуть. Сергей давно понял, что угодил в совершенно невероятную историю, и не рефлексировал – соратники, глядя на старшего, также хранили спокойствие и покладисто отвечали на идиотские вопросы. Рудин отдавал себе отчет, что это ненадолго – суровый Вор в конце концов пригласит заплечных дел мастеров, чтобы силой взять то, что, как ему кажется, упорно скрывают пленники. Серега склонностью к мазохизму не страдал, а потому не расплывался в мечтательной улыбке перед перспективой пыток. Он был готов дать любые показания в пределах разумного, но Вор ставил неразрешимую задачу: пытался выведать информацию, которой они не владели.

– Искать черную кошку в темной комнате, – вслух пробормотал Рудин. – Кошку, которой там нет. Нонсенс...

– Умно, умно говоришь, – одобрил Вор, прихлебывая крепчайший чай и постукивая по листовяжной столешнице сигаретой. – Образованный... В моих руках, между прочим, не один десяток таких, как ты, обсерались. И все сначала говорили умные вещи. Насмотрелся – жуть... А ты прекрасно знаешь, что тебя мочканут – независимо от расклада. Мужиком держишься – хвалю. Но – напрасно. Поколоса бы – я бы, глядишь, за тебя словечко замолвил... А?

– Ей-Богу, дядя, ничего не скрываю! – искренне воскликнул Рудин. – Ничего. Понятия не имею, отчего так все вышло... Ну хочешь – проверь нас всех на детекторе лжи – мы согласны. Хочешь?

– А у меня свой детектор. – Вор потыкал куда-то за спину пальцем и многозначительно покивал. – Когда он свои железяки в ход пустит, начнете колотья наперегонки – с комсомольским задором... Правильно я говорю, пацаны? – Восклицание было адресовано двум мрач-

ным верзилам с автоматами, восседавшим на табуретах по обеим сторонам двери в предбанник. «Пацаны» синхронно кивнули, а тот, что поздоровее – Димон, хозяин усадьбы, нехорошо цыкнул зубом и мечтательно замычал, видимо, представил, как это в присутствии «детектора» пленники начнут колотиться с комсомольским задором.

– Вот видите, – Вор назидательно погрозил пальцем. – А поздно будет – когда селезенку начнут вынимать. Я ж его на полпути останавливать не стану – не в моих правилах... Ты подумай, Пес, подумай. Нет, я понимаю, сдашь организатора – тебе кранты. Так ты себе мнишь. Только организатор... где он? А я – вот он, перед тобой. Я ж тебе слово Вора дал – сдаете, вывожу вас за пределы области, даю бабки – и пи...дуйте на все четыре стороны! Еще раз подтверждаю, слово Вора – закон! Даете полный расклад, и... Ну, натурально – на все четыре стороны. А?

Пацаны у двери переглянулись и многозначительно крикнули. Рудин правильно истолковал этот крик – слово Вора не более чем пустой звук. Тоскливо стало Сереге, захотелось удрать куда-нибудь из этой мрачной бани, на вонючие просторы неоглядной промзоны например... только как удерешь? Руки связаны намертво, у дверей – автоматчики, во дворе целая кодла сидит – ждут сигнала, чтобы броситься рвать на клочки...

– Поверил бы ты нам, дядя, – печально попросил Рудин. – Не видишь разве – попали мы в непонятку. Пали жертвой чьих-то злых козней... Чем тебе наши ответы не понравились?

– Давай еще разок, – проигнорировал просьбу Вор, поудобнее усаживаясь на покрытой половиком скамье. – В последний разок. Надо мной ведь тоже начальники есть, сам понимаешь. Мне результат нужен. А его пока нет. Вот начальник скоро проснется, начнет трезвонить – подавай результат. И что я ему нарисую? Перескажу те залепухи, что ты мне тут навешал? Не, так не покатит. Давай – в последний раз по-человечьи. Потом – детектор... Что на промке делали?

– Крыс били, – тяжело вздохнул Рудин. – Сколько можно, дядя? Вот – хвосты. Вот – карабины. Вот – мы. Ты попробуй надергай столько хвостов за ночь и при этом успеешь еще что-нибудь сделать! Ну?

– А подтвердить может Толхаев – он хвосты заказал, – скороговоркой добавил Вор. – А сейчас его нету – мочканули. Ты сам и мочканул – больше некому. Только ты поторопился – нету Толхаева, значит, нету и алиби. Кто еще может подтвердить, что вы за крысами ходили?

– Никто, – мрачно согласился Рудин. Известие о гибели Толхаева он воспринял неоднозначно. Вор мог приврать, преследуя понятную цель: мертв предполагаемый заказчик, значит, исполнитель может с чистой совестью расколотся, чтобы избежать пыток. Рудин не собирался слепо доверять трагическому известию до тех пор, пока сам не убедится в том, что Толхаев действительно мертв... – Получается, алиби нет – формально. Но хвосты? Ты попробуй...

– Отрави накануне дохлятину, потом приди и за пять минут нарежь тыщу хвостов, – мудро заметил Вор. – Не, не алиби. Так вот... Ну и что вы на промке делали?

– Крыс били, – непримиримо набычился Серега. – Это чистейшая правда – не будет другого ответа.

– Зачем собак шугнул?

– Черт – дались тебе эти собаки! – устало пробормотал Рудин. – Ну что мы могли им привязать – ты сам подумай! Это же звери... Твои пацаны целились, собаки могли броситься – те бы начали стрелять. Неужели непонятно? Я дал команду «домой». Они, как нормальные дисциплинированные собаки, потопали домой. Пошли кого-нибудь в школу, пусть убедится: псы давно там, пролезли в дыру в заборе, лупанули сухаря из кормушки и дрыхнут без задних ног.

– Ты мочканул Стадогонова. Кто заказ делал? А не заказ – кто команду дал? – перескочил на следующий аспект Вор. – Не забудь – Толхаев труп, а пытаться будут тебя. Или сначала их, – Кошель мотнул головой в сторону соратников Рудина. – А ты полюбишься, слушаешь... А?

– Не трогал я вашего Стадогонова, – привычно пробубнил Рудин. – У меня алиби есть – я весь день в школе был, занятия с клиентами проводил. Масло и Соловей тоже там были. Можешь спросить...

– Ствол – твой, – терпеливо напомнил Вор и тут же пресек дальнейшие попытки Рудина оправдаться: – Захлопни вафельницу – знаю, что скажешь. Сперли из тайника. Почему все не сперли? Почему один ствол взяли, а все остальное оставили? Так не бывает, Сергунька, – я те отвечаю.

– Ну не трогал я его! – в отчаянии воскликнул Рудин. – Черт-те что... Какой-то фимоз спер ствол, замочил вашего Стадогонова... Тривиальная подстава. Что тут непонятно?

– Все непонятно. – Вор уставился в оконце, задумчиво постукивая пальцами по столешнице. – Все... Однако зачем Толхаева мочканул? Никак не догоню... С Сарановым ты как?

– Никак, – в тон ответил Рудин. – Знаком через Гришу – не более того. Я ж тебе сказал...

– А помню я, помню, – небрежно отмахнулся Вор. – Саранов вообще ни при чем... Угу... Но ты сам посуди – какой некрасивый расклад получается. Ваша кодла на нас зуб точит – здоровенный такой зуб, клык, можно сказать. Стадогонов зажмурился – а тут твой ствол нарисовался. А потом Толхаев зажмурился – а ты с пацанами на промке хер знает чем промышляешь... Ну все, все плохо. Согласен?

– Ага, согласен, – покорно кивнул Рудин. – Черт-те что получается... Ну и что теперь – байки тебе рассказывать? Нет, ты скажи – если хочешь, чтобы я придумал правдоподобную версию, сочинил небольшой романец... Я моментом насочиняю. Ты этого хочешь?

– Я, солнце мое, правды хочу, – жестко заявил Вор. – Я с тобой битый час пытаюсь по-человечьи – ты никак... Дал тебе весь расклад – кругом ты виноват. Нет, не желаешь колотиться. Ладно...

Вор встал с лавки, потянулся и пошел на выход, бросив сидящим у двери верзилам:

– Сгоняю кое-куда. Стерегите. Если что – яйца оторву...

...В седьмом часу утра на первое шоссе, ведущее в промзону, свернула вишневая «99-я». Проскочив мимо расположившейся в кустах засадной группы Улюма, уверенно порулила через пустырь к одной из полуразрушенных хибар, чьи фрагменты в изобилии торчали по окраине промзоны.

Джип Улюма стоял несколько дальше по трассе, в сторону от города – чтобы с удобного места контролировать ситуацию. Рассмотрев в бинокль номера, Улюм не стал прыгать от радости – он только облегченно вздохнул и скомандовал в «Мотороллу»:

– Готовность номер один.

«99-я» принадлежала Мамону – одному из людей Кошеля. Можно было не сомневаться, что Мамон спешил по делу: у этой публики не принято празднично шататься в такую рань.

Не отрывая бинокля от глаз, бандитский предводитель слегка подрагивающей рукой огладил цевье «АКСУ» и с силой выпустил воздух сквозь плотно сжатые губы.

Улюм нервничал. О том, что в случае крайней необходимости он с командой вломится к Кошелю и предъявит претензии за умыкнутого общак альянса, большой бандит слегка переборщил. Нужно было держать марку перед сильно загрузившим Сарановым – вот и ляпнул первое, что в голову стукнуло.

Идти на открытую конфронтацию с Вором было равносильно самоубийству. Нет, разумеется, можно было бы в экстренном порядке применить мощь, затем надежно спрятаться и апеллировать к увядающей силе Воровского закона – потребовать рассмотрения дела на все-российской сходке с соблюдением всех формальностей. Будучи еще незрелым «быком», лет этак десять назад, Улюм неоднократно слышал, что такие прецеденты случались – хотя сам ни разу не сталкивался... Признай сходка, что Улюм прав, Вор не посмел бы мстить за поражение – если бы вообще удержался на своем месте... Но коль скоро не удастся доказать, что Рудина с

деньгами прихватили люди Кошеля, имеется большущая перспектива заполучить такие неприятности, что хватит расхлебывать до конца жизни. Потому что жизнь в этом случае будет очень и очень короткой...

«99-я» подъехала к хибаре и остановилась. Из машины вышли двое – в одном из них наблюдатель узнал Мамона – и скрылись в строении. Улюм замер, затаив дыхание. Очень удобный случай: если деньги действительно там, убрать этих двоих по-тихому не составит никакого труда. Однако в этом случае Вор совсем из ума выжил: посылать за такой суммой всего двоих – это верх безрассудства!

– А покажите-ка мне, что вы там нашмонали, – бормотнул Улюм потухшим голосом: двое вышли из строения, Мамон держал в руках карабин. – И всего-то? – разочарованно протянул Улюм, нажимая на тангенту «Мотороллы», чтобы отдать команду. Рация противно пискнула и функционировать не пожелала. Улюм чертыхнулся – как-то недосуг было прихватить запасной аккумулятор, не думал, что придется всю ночь работать в активном режиме.

– Давай потихоньку за мной. С трассы не съезжать, – распорядился большой бандит, наткнув на мобильном номер старшего первой засадной группы – Буханки – и, проследив, как «99-я» вырулила на трассу, скомандовал водиле: – Давай за ними – максимальная дистанция. Только очень сторожко – я тебя прошу! Больно тачка у нас приметная...

Ни от кого особенно не таясь, «99-я» на приличной скорости проскочила от промзоны до пригорода и завернула в так называемый неблагополучный район: северо-западную окраину города, в частном секторе которой обитали рыбаки и разнообразный уголовный сброд.

– Во как?! – неприятно удивился Улюм, следуя за объектом наблюдения на почтительном удалении. – Ну вы, блин, даете! Вот это залепуха...

Несчастливого Жеку опустили неподалеку отсюда – вон в тех заброшенных дачах. Опустили, прострелили мошонку и бросили связанным истекать кровью. Звери, не люди – за такие выкрутасы надо мочить, не отходя от кассы! Братва себе такого не позволяла: если человек – дрянь, всади ему пулю в башку, и дело с концом. Такие мерзости могли сотворить только матерые блатные: чтобы отыметь здорового мужика, нужен определенный опыт, который приобретается лишь после долгого пребывания в местах не столь отдаленных. А сейчас, когда уже ясно, что именно Рудин рассчитал Кулькина, Жеку и двух секьюрити «Парадиза», стремясь заполучить информацию о «левом банке» альянса, участие воровской общины в этом грязном деле приобретает совсем иной оттенок...

– Притормози, – бросил водиле Улюм, прервав ход своих рассуждений, «99-я» сбавила скорость и свернула в непроездной переулок между огородами. – Я соскочу – выезжай на трассу и жди меня у въезда в поселок. Да, там пацаны должны сзади потихоньку ехать – скажи, пусть в поселок не лезут, там же, на въезде, встанут. Да не рядом – чтоб разнос был. Сам понимаешь: четыре наших тачки вместе, да в такую рань – повод для нездорового базара. Все – пошел...

Пройдя по тихой улочке мимо нескольких дворов, Улюм свернул в переулок, добрался до опушки осинової рощи и вскоре уже сидел среди деревьев, метрах в двухстах от огорода Димоновой усадьбы, обнаружить которую не составило особого труда. Вряд ли в столь ранний час в этом забытом Богом местечке был еще один двор, у покосившейся ограды которого стояли разом: джип «Ниссан» с хорошо запоминающимся номером 777 (весь Белогорск знал, что Кош страшно суеверен), «Опель-Кадет» цвета металлик, принадлежавший хозяину усадьбы – Димону, два хорошо сохранившихся «БМВ» и свежеприбывшая «99-я» Мамона.

– И чего это вас так много? – недовольно пробормотал Улюм, хорошенько рассмотрев в бинокль особенности объекта и численный состав противника. – Дело сделали, половину можно отпустить...

У подворья Димона слонялись как минимум полтора десятка воровских пацанов, вооруженных автоматическим оружием: сидели в машинах, топтались около, курили, болтали – одним словом, маялись без дела. Улюм еще раз пришел к выводу, что слегка погорячился,

пообещав Саранову с ходу вломиться к Ворю с «предъявкой». С ходу тут не получится: придется завязывать кровопролитные уличные бои с непредсказуемым финалом.

Понаблюдав за объектом, Улюм сдал назад, выбрался ко второму переулку и трусцой припустил к трассе. Незадачливые засадники были в сборе: пристроившись в хвост бригадирову «Чероки», с интервалом в 15 метров стояли три иномарки, в каждой из которых дисциплинированно дремали по четыре бойца – включая водителя.

– От бляди! – досадливо воскликнул Улюм. – Это они с разносом встали... От уроды! – Однако ругать «быков» не стал: распоряжение выполнено, а интервал он не указал, вот и встали как заблагорассудится.

Отправив двоих наблюдать за усадьбой Димона, Улюм отослал остальных в город: собирать бригаду для прочесывания промзоны, – а сам поехал к Саранову. Возникла необходимость пообщаться...

– ... Не признаются, значит... – Николай Алексеевич Пручаев, облаченный в халат, сонно хлопал глазами и отсутствующим взглядом смотрел на Кошеля. – Ага... Ну, оно и понятно – я бы, например, тоже не стал рассказывать о своих похождениях... о похождениях такого рода. Кофе будешь?

Кошель отрицательно покачал головой – он вытащил предводителя альянса не для того, чтобы в неубранной спальне с тяжелым запахом испить чашечку кофе. Требовалось решить важный вопрос, а предводитель спросонок явно не годился на роль генератора продуктивных идей.

– Может, умоешься, а я подожду? – предложил Кошель. – А то ты че-то не в духах... Радости великой не наблюдаю...

– Чему радоваться? – мрачно спросил Пручаев. – То, что мы их отловим, было предрешиено. Честь и хвала, только... Толхаева нет. Чему радоваться?

Кошель нахмурился. Это его люди проворонили Толхаева. Шустрый ездун выскочил из-под контроля ненадолго – буквально на полчаса. Однако этого хватило, чтобы оборвать очень важную цепочку «организатор – исполнитель». Рудин – человек Толхаева, задачу получал от него. Люди Второго альянса отнюдь не идиоты, чтобы «светиться» всей капеллой в этом сомнительном мероприятии. Теперь можно насмерть запятать Пса и его товарищей – результат будет нулевой. Саранов и Улюм отопрутся от всего: с кристально чистым взглядом скажут, что не имели никакого отношения к грязным проискам своего несвоевременно усопшего приятеля, – и формально будут правы. Вредный Пес в шутку предложил сочинить какую угодно небылицу... Но не заставишь же его под пытками придумывать заведомый оговор Саранова и Улюма! А вообще неплохо бы было. Небылица такого рода сейчас была бы очень кстати...

– Я насчет этого и приехал, – значительно произнес Вор. – Ты веришь, что я в людях разбираюсь, Алексеич? Что Вором стал не за красивые глазки?

– Странные вопросы, – недовольно буркнул Пручаев, подбирая полы халата. – Естественно, верю! Тюремные университеты, они, знаешь, стоят многого...

– Колотья они не будут, – пристально глядя на собеседника, сообщил Вор. – Не те люди.

– То есть? – удивился Пручаев. – Ты ж их еще не пытал... Откуда такая уверенность?

– Надо их отпустить, – выдал Кошель. – Это самый лучший вариант.

– Перенапрягся? – озабоченно поинтересовался Пручаев. – Нет, я понимаю – бессонная ночь, волнение...

– Я могу неделю без сна пахать, – отмахнулся Вор. – Лишь бы водка с чифиром были да курево поплоче... Тут не в этом суть. Ты че – не догоняешь?

– Объяснись, – потребовал Пручаев, обидчиво поджав губы. Вор никогда еще не упрекал его в отсутствии сообразительности. Поводов не было. Старееет, что ли?

– Щас поеду, обниму всех и скажу – непонятка вышла, пацаны, – объяснил Кошель. – Нашли, мол, кое-что, к вам больше претензий нет. Вот ваши стволы – топайте на все четыре... И каждому целую кодлу на хвосты посажу. Людей у меня хватит.

– А-а-а, вон оно что, – скептически протянул Пручаев. – Ну-ну... А у тебя шпионская оптика имеется, подслушивающие устройства и так далее... Да?

– Мне не нужна никакая оптика, – отказался Вор. – За каждым их шагом без всякой оптики будут сечь – отвечаю.

– За Толхаевым тоже секли, – напомнил Пручаев. – И где он?

– Тут не в оптике дело, – недовольно поморщился Кошель. – У него тачка – одна такая на всю область. Была бы у моих пацанов такая же – я те отвечаю...

– Если бы у бабки был фуй – она была бы дедом, – невежливо перебил Пручаев, зевая во весь рот. – Ты знаешь – я деловой человек. По результату сужу об успехе дела, а не по тем возможностям, которые возникали, но почему-то не были использованы. Еще что скажешь?

– Прокололся один раз – теперь до смерти попрекать будешь, – горько вымолвил Вор. – Я те отвечаю: мы будем знать о каждом шаге этих собачников. Ну ты че, в натуре, не веришь мне? Если не веришь – хер с тобой. Поеду запытаю насмерть этих фуцанов, Саранов с Улюмом новых найдут, а мы не будем знать кого. Ты каждую ночь будешь вздрагивать и, выходя из дому, вертеть башкой по сторонам. Этого хочешь?

– Я с утра плохо соображаю, – ворчливо произнес Пручаев. – Это же надо обдумать, взвесить все. Нельзя вот так сразу... Вот что – посиди в столовой, тебе кофе подадут. А я действительно приму водные процедуры, с мыслями соберусь...

Спустя пятнадцать минут хозяин дома присоединился к скучавшему в столовой Кошелю. Банкир заметно посвежел, был бодр и даже насвистывал какую-то неприятную для слуха мелодию, что позволяло заподозрить его в хорошем расположении духа.

– Ну, в общем-то, трезвая мысль – отпустить, – с ходу выдал он, присаживаясь за стол и наливая кофе. – Пусть твои, как ты выражаешься, секут за ними. А для лучшего результата я кое-что добавлю. Поставлю задачу своему начальнику СБ: пусть организует прослушку номеров Саранова и Улюма – и мобильных тоже. Позвоню в «Белогорпротект», чтобы выделили несколько пар приличных наблюдателей с аппаратурой. Вот прямо сейчас и позвоню – пока ты до места доедешь, они уже будут работать. Это не проблема. Меня другое заботит...

– Толхаев? – понимающе приподнял бровь Вор.

– Он самый, – кивнул Пручаев. – Насчет киллеров – это вполне понятно. Злоба лютая, желание отомстить, стремление занять ведущее место... Но при чем тут Толхаев? Зачем они его убрали?

– Не поделили чего-то. – Вор неопределенно пожал плечами. – Ну, мало ли... А вот это, кстати, мы могли бы узнать – если бы не хотели Пса отпустить. Попытали бы только насчет этого – покололся бы. Но мы журавля хотим – синица нам без надобности. Так?

– Верно, – согласился Пручаев. – Верно... Давай – езжай, обнимай, отпускай... Только смотри – чтобы все натурально выглядело. Хлопцы, так я понял, далеко не дураки – и так с оглядкой ходить будут. А если фальшь учуют – вообще на дно лягут. Так что...

– Да ты не бойсь, Алексеич, – задорно подмигнул Вор набрякшим веком. – Сделаем все в лучшем виде...

...В отличие от лидера Первого альянса Руслан Владимирович Саранов не спал. Он вообще не сомкнул глаз всю эту ночь – переживал. Улюма встретил у крыльца своего дома, нервно топтался на месте, пока большой бандит степенно высаживался из машины.

– Совсем плохой, – пожалел Улюм компаньона, отметив, что за ночь тот постарел лет на десять. – Зря ты так – бывают вещи и похуже. А если, допустим, твое барахло конфискуют, а самого посадят годков этак на двадцать?

– Пошел ты... – придушенно всхлипнул коннозаводчик, даже не симитировав попытки улыбнуться, развернулся и прошлепал на террасу, где стоял накрытый для утреннего кофе стол.

– Шутка, – поспешил успокоить Улюм. – Таких, как ты и я, давно не садят – категория не та. Таких, как ты и я, просто мочат – если рылом не вышли или дорогу кому перебежали. Поэтому не стоит так переживать, смерть от пули – это нормально. Шлеп! – два раза ногами дернул и привет. И никаких мучений...

– А я не хочу «шлеп!», – мрачно буркнул Саранов. – У меня все есть – желать нечего. Я здоров и сравнительно молод... А у тебя из-под носа увели наши деньги. Почему? Я же тебя предупреждал...

– Виноват – исправлюсь, – не стал обижаться Улюм. – Вернее, уже исправляюсь. Предупреждал, спасибо... А ты знаешь, что Пес трудился не сам по себе, а за мощной спиной?

– То есть? – Саранов замер с кофе у рта – слышно было, как подрагивает о фарфоровый борт забытая в чашке ложка.

– Димон – пацан Кошеля, живет на окраине Северо-западного района, – принялся перечислять Улюм. – На самом отшибе, у лесополосы. Сейчас там вся воровская кодла собралась – мои сидят, смотрят. Пес, естественно, тоже там. В этом самом районе – в заброшенных дачах – отпидарасили Жеку, а потом яйца отстрелили. Жека сдал Кулькина – и дальше покатило, сам знаешь...

– И что? – Саранов осторожно поставил кофе на стол, сцепил руки перед собой, стараясь унять нервную дрожь, сосредоточенно уставился на собеседника. – Район не улика. Бывают совпадения...

– Ты знаешь, какие у меня «быки» – оторви да брось, – продолжил Улюм. – Эксперты сказали, что Жека умер в девятом часу утра от потери крови, то есть драли его, прости Господи, от семи до восьми. В два смычка – судя по анализу спермы...

– Слушай – давай к делу! – не выдержал Саранов. – Ты чего вокруг да около елозишь? Заезжай!

– Заезжаю, – согласился Улюм, машинально улыбнувшись: как-то они с Сарановым на пару развлекались с несколькими хорошенькими девицами – выражение напомнило ему о смешном эпизоде той славной групповушки. – Ты попробуй подыми любых двоих из моих «быков» в семь утра и заставь оттарабанить здорового мужика – такого, как Жека. Я тебе отвечаю: хоть застрели их – ничего не получится! А почему? У меня все пацаны либо вообще параша не нюхали, либо оттащили незначительные сроки – Бог миловал. А для такого зверства надо минимум чирик оттащить! Ты понял, нет?

– В смысле, лет десять отсидеть? – уточнил Саранов и, лихорадочно сверкнув глазами, развил мысль соратника: – Чтобы, значит, это вошло в привычку, стало второй натурой, если угодно – потребностью... Чтобы это было самопроизвольно, как... как утренняя эрекция, что ли. Да, я все понял. С Рудиным действовали матерые уголовники, можно сказать, отпетые. Или даже так: в случае с Жекой и Кулькиным... Рудина там вообще не было. Это люди Кошеля развлекались. Все вывели, затем каким-то образом купили Рудина, и...

– И сейчас сидят там всей кодлой, бабки считают, – желчно скрипнул Улюм. – У-у-у твари, бя! Ей-Богу, хочется глупость сотворить! Собрать бригаду, подскочить туда и с ходу покрошить всех в капусту. Там всего полтора десятка стволов...

– Вор тоже там, – напомнил Саранов, отчего-то перестав нервно дрожать пальцами. – И полтора десятка стволов... Нет, будет очень шумно. Скандал – на всю Россию...

– Вот то-то же, что Вор там, – угрюмо буркнул Улюм. – Я уже все варианты перебрал – никак не катит. Если бы он убрался оттуда – хотя бы на полчаса – да забрал половину своей кодлы...

– И что тогда? – живо подхватил Саранов, с надеждой уставившись на «силовика». – Ты бы их того... А?

– Того, – согласился Улюм. – Взял бы пару пацанов покруче – есть у меня такие, взял бы стволы с глушаками... В общем, перемочил по-тихому всех там, бабки бы забрал... а Пса с его козлами вывез бы на промзону. Врубаетесь?

– Ты хочешь сказать, что инсценировал бы внутреннюю разборку с последующим побегом Рудина и его команды? – уточнил Саранов. – Правильно я понял?

– Правильно, ты вообще понятливый, – похвалил Улюм. – Я бы сделал так, что ни одна тварь бы не прискреблась – все чисто... А Пса с козлами завалил бы и затарил на промзоне – хер бы нашли. Нормально?

– Нормально, – эхом отозвался Саранов, обдумывая все последствия этой славной задумки. – Нормально... Если кто-то из людей Вора останется в живых – нам с тобой придется немедленно удирать из страны. Хотя и там достанут... Ты об этом подумал?

– А как же, – тяжело вздохнул Улюм. – И об этом тоже... Но бабки надо вернуть – сам понимаешь.

– Понимаю. – Саранов налил себе еще кофе и начал медленно болтать ложкой в чашке. – Понимаю... Однако Вор может и не убраться оттуда в ближайшее время. Что тогда?

– Тогда выставлю круглосуточный пост наблюдения, поеду домой и завалюсь спать, – невозмутимо пожал плечами Улюм. – Вечно торчать он там не будет. А бабки... Я думаю, в ближайшее время бабки оттуда перемещать они не будут – нет смысла.

– Боюсь я, Коля, – честно признался Саранов, глядя на нагрудный карман куртки своего собеседника, откуда торчала антенна мобильного телефона. – Ты знаешь – это не моя сфера... Сейчас твой мобильный звякнет: скажут – уехал Вор, забрал с собой людей... И начнется. Не на жизнь, а на смерть. Никогда я еще не бывал в таких передрыгах...

Телефон в кармане Улюма, словно решив подыграть Саранову, надсадно тренькнул. Улюм удивленно покачал головой, нехорошо хмыкнул и взял трубку.

– Это Буханка, – доложил старший наблюдательного поста возбужденным голосом. – Они свалили. Что делать?

– Кто именно? – уточнил Улюм.

– Вор сел в свою тачку – поехал. За ним укатили остальные – у ограды остался один «БМВ» темно-синего цвета. Номер надо?

– Да на кой хер мне их номер! Хотя... А ты его видишь?

– Ага. Вот – 351. Буквы расплывчато – грязный номер.

– Что выносили? – живо поинтересовался Улюм. – Момент выхода вы не проглядели?

– А выходил только Вор, – поспешил успокоить начальника Буханка. – Остальные у ограды были – в тачках и так. Вор вышел, сел – сказал им что-то. И все – уехали. Сейчас этот «БМВ» один стоит – пустой.

– Сидите там, смотрите, – завершил Улюм. – Если что – немедленно звоните.

– Что? Что ты хочешь делать? – встревожился Саранов.

– Больше всего на свете хочу принять душ, хлопнуть пару стаканов водяры и завалиться спать, – возбужденно сверкнул глазами Улюм, вставая с плетеного кресла и с хрустом потягиваясь. – Но грех упускать такой случай. Поеду я, поработаю...

...После ухода Вора в бане воцарилось тягостное молчание. Пацаны у двери общаться не желали, имея на этот счет определенные указания. Рудин также не торопился вступать в диалог со стражами: с такими самый лучший диалог – активный обмен автоматными очередями. Спустя пять минут приперся сухощавый пожилой дядька с огромным плешивым черепом, притащил кожаный баул, уселся за стол и принялся раскладывать поблескивавшие в скудном свете оконца инструменты. Рассмотрев железяки, пленники переглянулись и синхронно передернули плечами – у любого идиота хватило бы ума понять, для чего предназначена эта коллекция.

– Это ты детектор? – не выдержал, поинтересовался Рудин. – Фимозис натуралес...

– Не ругайся – обижу. – Сухощавый плешоган прищурился на Рудина и мелодично позвонил хирургическим скальпелем по стакану с недопитым чаем. – Словечко-то какое выдумал... Читаешь, поди, много?

– Зубы лечить будем? – проигнорировал вопрос Рудин.

– И зубы тоже, – ласково прошамкал дядька. – Смотря как колоться будете. С пальчиков начнем – с ноготков. А там поглядим...

– Не нравится мне это дело, – признался Рудин, печально вздохнув. – С детства пыток не люблю. У меня от них подмышки потеют и вообще настроение портится.

Двое у двери переглянулись и заржали – последняя тирада Рудина им явно понравилась.

– Мужиком держится, – заметил здоровенный Димон. – Молоток, братуха, я таких люблю.

– Посмотрим, как он закукарекает, когда Штырь его резать начнет, – сказал второй страж – рыжий веснушчатый крепыш. – Как с ними по-человечьи, они все бакланить мастера...

– Да за что резать-то?! – вскинулся Рудин. – Ну было бы за что – понятно... Но ведь ничего не делали мы – могу чем хотите поклясться! Это же явная подстава – неужели не ясно?

– Ты лучше рот закрой и сиди тихо, – посоветовал рыжий напарник Димона. – А то врежу прикладом промеж глаз. Тоже мне, честный фраер нашелся! Вон пацаны твои – сидят спокойно, не выделяются. И ты давай – не доводи до греха...

Рудин умолк – перспектива получить прикладом промеж глаз его не прельщала. Мрачная тоска исподволь, потихоньку, заползала в душу воина. Он отвык функционировать в режиме «война» – последние три года жил как все нормальные граждане, изредка подогревая кровь воскресными «сафари», отвык делить людей на «своих» и «противника». А сейчас получалось так, что по воле какого-то проходимца простой директор собачьей школы вынужден сделать шаг назад – в свою военную эпоху. Потому что ласковый плешоган – явный враг. Скоро вернется Вор, и этот дядечка начнет профессионально причинять Рудину и его команде адские страдания. И те двое, что сидят сейчас у двери, не просто сограждане. Вон, автоматы держат – готовы пустить их в ход без малейшего колебания. Кстати – неправильно держат: оружие на предохранителе, меж колен – этак и до беды недолго...

Медленно повернув голову к сидевшему ближе к столу Соловью, Рудин показал глазами на палача. Соловей удивленно хлопнул ресницами, разинул было рот, но тут же опустил голову – понял. Толкнув коленом сидевшего рядом с ним Масло, Сергей показательно тяжело вздохнул и жалобно попросил дрогнувшим голосом:

– Парни... Мне бы в туалет. Че-то по-большому захотелось...

– Сиди, не дергайся! – живо отреагировал рыжий. – Может, тебе еще водяры и бабу?

– Испужался хлопчик, – неожиданно подыграл плешивый дядька. – Оно всегда так: хорохорятся оне, пока инструмент раскладываю, потом рассмотрят хорошенько, сообразят, что больно будет, – и сразу срать тянет. Не ты первый, хлопчик... Однако как работать начну – точно пообсераются. Вонять будет. Вы бы их вывели по одному, а то говна будет – море.

– Не позорьте, пацаны, – тоскливо подтянул Рудин. – Ну что вам стоит? Вор же не запрещал насчет туалета...

– Давай – выведи, – распорядился Димон. – По одному. А то загадят всю баню – как я потом париться буду?

– А он опасный, – не спешил выполнять команду вредный рыжий. – Кош сказал. Может броситься.

– Со связанными руками? – нехорошо прищурился Димон. – Там во дворе Салуян с Вохой. Че ж он – совсем дурак, на троих со стволами бросаться да со связанными руками?!

– Не бросишься? – спросил рыжий, нехотя вставая с табурета и отступая от двери на шаг, автомат удобно повесил на плечо, перпендикулярно полу. – А то смотри!

– Да мне бы только до сортира добраться... – Сергей осторожно встал с лавки и засеменил к двери, прижимая связанные руки к животу... – Мне бы только...

Бац! Поравнявшись с рыжим, Рудин резко пнул его в пах: здоровяк хекнул, переломился в поясе и скрючился на получетвереньках – оброненный автомат тяжело стукнул о неокрашенные доски.

– Масло – твой! – выдохнул Рудин, хватая за шиворот рыжего и отшвыривая его к лавке.

Димон мгновенно забыл, что он вооруженный воин, – сработали приобретенные инстинкты уголовника. Выпустив автомат, он шустро выдернул из-за пазухи здоровенный тесак, мрачно блеснувший качественной сталью, и шагнул к Рудину, выставив лезвие перед собой.

Сзади кто-то хрипел, раздавались тупые чмокающие удары – парни занимались со своими «номерами», с ходу, без раскачки переключившись в боевой режим. Не оглядываясь, Рудин примерился, прыгнул, хватая запястье с ножом, невероятным усилием успел отвести в сторону смертоносную сталь и тяжело рухнул на Димона.

– Помогите! – прохрипел воин, чувствуя, что не может удержать рвущееся из-под него мощное тело. – По черепу! Дайте по черепу!

Соратникам было не до того – видимо, не успели еще управиться с доставшимися на их долю противниками. Димон сжался для решающего рывка – Сергей ощутил, как окаменели могучие мышцы уголовника: сейчас отшвырнет, вскочит, схватит автомат...

– Ар-р-р... – зарычал Рудин, подался вперед и вцепился в горло противника зубами, изо всех сил сжав челюсти. На секунду он ослеп: плеснула обжигающая кровь, брызнула в глаза, погрузив все вокруг в мрачный вишневый колер. Димон выронил нож, забил ногами и спустя несколько секунд перестал сопротивляться – большое тело обмякло под Рудиным.

Сергей протер глаза, схватил нож Димона, перерезал веревку и, завладев автоматом, осмотрелся. Соратники тоже справились – рыжий у стола и плешивый палач не подавали признаков жизни.

– Если б ты щас видел свою рожу, Пес! – ошеломленно пробормотал Соловей, пытаясь перерезать веревки на запястьях скальпелем из набора палача. – Ты ж его загрыз, бля...

– Во дворе – двое, – проигнорировал замечание Рудин. – Однако мы тут маленько шумели – почему они не заскочили? Соловей, бери автомат. Прыгаем во двор и мочим всех подряд, кто там есть. Что-то мы тут подзадержались...

...Улюм приблизился к калитке двора Димона, натянул на голову вязаную шапочку с дырами для глаз. Громко постучал и встал сбоку, держа наготове «ТТ» с глушителем. В затылок ему жарко дышал Буханка, с другой стороны застыл Болт, как всегда, монументально спокойный.

– Чего хачу? – Калитка распахнулась – показалась бритая башка с большим горбатым носом. Приставив глушитель к башке, Улюм нажал на спусковой крючок, перепрыгнул через падавшее назад тело и влетел во двор – «быки» не замедлили присоединиться, выстроившись за предводителем в колонну по одному.

У дома на лавке сидел еще один бритый с автоматом – но с нормальным носом, славянин. На вторжение отреагировал весьма медленно: не ожидал. Пока вставал, Улюмовы хлопцы успели несколько раз пальнуть: бритый, отброшенный выстрелами назад, испортил кровью беленную мелом стену и сполз под лавку.

– В баню! – прошипел Улюм, дернув за руку сунувшегося было на крыльцо Болта. – Вы в дверь – я к окну.

– Почему в баню? – удивился Болт.

– На дверь посмотри! – досадливо буркнул Улюм, мотнув головой в сторону входной двери дома, на которой красовался амбарный замок. – Нету там никого... Давай залетели –

один сел на колено, второй стоя, чтоб в двух уровнях. Давай ломитесь! – а сам метнулся к небольшому оконцу в банной стене.

– Ложись!!! – в один голос заорали «быки», вваливаясь в баню и поводя стволами. – Кто стоит – мочим! – Болт для пущего эффекта пальнул в потолок, забыв, что глушитель на стволе: получился весьма неубедительный хлопок.

– А это что еще за пи...братия? – удивился Рудин, щелкнув предохранителем. – Ну давай, фимозы, – чьи пушки круче...

– Кто обернется – мочу, – раздался голос из оконца. – Всех не успею, но кому-то достанется. Давай – медленно положите стволы и – к стене. Лицом. Пес – ты у меня на мушке. Давай!

– Не мужское это дело – давать, – огорченно пробормотал Рудин, кладя автомат и становясь лицом к стене, соратники нехотя присоединились. – Что-то голосок знакомый... Это ты, Николай?

– Ага, – не стал отпираться Улюм. – Я тебя сильно люблю, но пристрелю моментом – только дернись. А ну, пацаны, соберите стволы.

Болт шустро забрал автоматы, прихватил лежавшие в углу три «ИЖа», «зубр» с инкрустацией и потащил во двор: Буханка, направив ствол на Рудина, контролировал пленников.

– Неудачный денек, Николай, – посетовал Рудин, наблюдая краем глаза, как Улюм входит в дверь. – Только мы освободились, собирались двигать отсюда – тут вы... А вы что к нам имеете?

– Ноги шире расставьте, пацаны, – распорядился Улюм. – Всем – шаг назад, упритесь руками в стену.

Пленники, полагая, что их собираются обыскивать, выполнили команду. Улюм поставил пистолет на предохранитель, приблизился к Рудину сзади и крепко пнул его между ног, целясь в промежность. Сергей скрючился и рухнул на пол, корчась от невыносимой боли. Улюм сделал шаг к Соловью, долбанул рукояткой пистолета в затылок, затем переместился к Маслу и его угостил подобным же образом – парни медленно сползли по стене и замерли без движения.

– Гад! – вымученно простонал Рудин. – Что ж ты делаешь, а?!

– А ты больно прыткий – я в курсе. Вон мужика загрыз – вся рожа в крови, – миролюбиво пояснил Улюм, доставая из куртки наручники и протягивая их Буханке. – Окольцуй его – только сзади. Он не бросится – занят.

Буханка надел Рудину наручники и отошел в сторону. Болт озадаченно рассматривал остатки веревок, которыми были связаны пленники, – капроновые обрывки явно не годились для использования.

– Во дворе бельевая веревка. – Улюм кивнул на валявшийся у стола нож. – Быстро.

Буханка схватил нож, метнулся во двор и спустя несколько секунд притащил веревку. На пару с Болтом они принялись пеленать конечности Маслу и Соловью, пребывавшим в бессознательном состоянии.

– У нас очень мало времени, – веско сообщил Улюм. – Есть два варианта. Первый: ты говоришь, где бабки, мы их забираем, забираем вас и сваливаем отсюда. Второй: если ты начинаешь думать, я жду полминуты – вот часы. Потом пристрелю одного из них. – Короткий тычок пистолетом в сторону лежавших на полу. – Потом жду еще полминуты – вот часы – и пристрелю второго. Тебя забираю с собой, везу в надежное место и там пытаю – где бабки. Ты с Сашей Рубцом знаком?

– Вот это мы попали... – потерянно пробормотал Рудин, приваливаясь спиной к стене и подтягивая колени к груди, – боль уходила медленными толчками, не желая сразу отпустить травмированный орган. – Вот это влипли... А может, у меня избирательная амнезия? Может, я какие-то фрагменты своего существования не помню?

– Хорошо – складно, – одобрил Улюм. – А Гриша, царствие небесное, говорил, что ты молчун – кроме мата, слова путного не скажешь.

– А что с Гришей? – уцепился Рудин. – Что?

– А это тебя надо спросить, козла кусок, – нахмурился бандитский вожак. – И – все, нету времени терпеть твои выкрутасы. Полминуты даю – думай, где бабки...

Присев на колено, Улюм направил ствол в голову лежавшего на полу Соловья и вывернул левую руку так, чтобы был виден циферблат часов.

Рудин пытливо уставился на большого бандита – пытался за короткий промежуток отведенного ему времени определить, насколько серьезны его намерения. Имелось острое желание задавать кучу вопросов. Какие деньги? Чьи деньги? Сколько денег? И вообще, черт подери, каким боком он с парнями к этим проклятым деньгам?! Рациональное мышление цивилизованного человека настоятельно требовало ответа на вышеперечисленные вопросы: без этого дальнейший процесс общения утрачивал свой смысл и заходил в тупик. Но стрелка под хрустальным стеклом Улюмова «Ролекса» бежала удивительно быстро – Рудин со своего места хорошо ее видел, – а прочитать на непроницаемом лице бандита степень серьезности его намерений не представлялось возможным. Если все это не дурная шутка, Ваня будет мертв. И тогда уже не будет иметь значения, что Рудин не знал ответа на свои вопросы...

Стрелка быстро проскочила половину циферблата: Улюм начал медленно выдавливать слабинку на спусковом крючке и инстинктивно прищурился.

– Сдаюсь, – выдохнул Рудин. – Бабки в промзоне.

– Уважаю, – сказал Улюм, облегченно вздыхая и опуская ствол. – Мужик. Братуха дороже бабок – уважаю. Я б тебя взял к себе в команду – отвечаю. Где конкретно?

– На сталелитейном, – не раздумывая назвал Рудин самую удаленную от трассы точку. – Ну, сам понимаешь – он большой, показывать надо...

– Покажешь, – согласился Улюм. – Ложись на пол – лицом вниз.

Рудин, кряхтя и охая, выполнил команду. Улюм обшарил карманы загрызенного Димона, выудил связку ключей, отделил автомобильный и, бросив его Буханке, распорядился:

– Тащи этих в Димонову тачку. Болт – ты тут, на контроле. Если этот дернется – стреляй по ногам. Мочить нельзя – нужен. Буханка – надо очень быстро, времени в обрез. Давайте, я в хату сгоняю – гляну.

Выскочив во двор, Улюм заглянул в крошечную летнюю кухню, дернул за кольцо люк подпола – пусто, даже крыс нет. Покинув кухню, взлетел на крыльцо, отомкнул замок. В доме было убого: прихожка без мебели, две небольшие комнаты, одна из которых служила спальней – судя по наличию некоего подобия кровати, – тут же стоял «Хай блэк тринитрон», видак, платяной шкаф – и более ничего. Вторая комната была пуста, пахло нежитью, паутина висела по углам – махровая такая, с разжиревшими наглыми пауками. Бегло осмотревшись, Улюм решил, что спрятать здесь такое количество денег невозможно, и присоединился к компании.

– Болт, бегом давай, – распорядился он, заглянув в баню. – Я его сам отконвоирую. Забери со двора стволы – в тачку отнеси.

Болт удалился. Улюм обошел помещение предбанника, сделал три контрольных выстрела и остановился на миг возле коллекции на столе.

– Значит, ты с Вором не в одной колоде, – констатировал он, удовлетворенно хмыкнув. – А чего он у тебя хотел спросить?

– А того же, что и ты, – буркнул Рудин. – Ты перестарался – Димон уже давно остыл.

– В этом деде перебора не бывает, – возразил Улюм, забирая скальпель и пряча его в карман куртки. – Давай – пошел на выход. Только без баловства. Мочить не буду – нужен, а продырявлю всего в разных местах, пацаны потащат. Давай...

Выбравшись на трассу, переложили начавших приходить в себя Масло и Соловья в багажное отделение «Чероки», Рудина посадили на почетное переднее место – чтобы дорогу показывал и был на виду. Димонову машину бросили на произвол судьбы и быстро покатали к промзоне.

– В «горячо-холодно» играть не будем, – сообщил Улюм, влажно дыша Сереге в затылок и для убедительности поглаживая его глушителем по голове. – Приводишь – бабок нет. «А-а-а, место перепутал! Пошли поищем!» – Так не покатит. Бабок нет раз – мочу одного. Бабок нет два – второго. Бабок нет три – едем ко мне... Ты с Сашей Рубцом знаком?

– С детства ненавижу, – с надрывом ответил Рудин. – Как увижу – стрелять хочется.

– Я рад, – хмыкнул Улюм. – Не хочешь его видеть – веди себя хорошо. Ты понял?

– Понял, – рассеянно пробормотал Рудин – мысли его в этот момент были заняты другим. Сергей лихорадочно перебирал возможные варианты действий и вспоминал особенности расположения комбината. Здесь они не охотились – захиревший гигант социалистической эпохи крысы не посещали ввиду отсутствия там чего-либо съедобного. Но несколько раз – в порядке ознакомительных экскурсий – Рудин с командой наведывались на комбинат. Более того, движимые исследовательским азартом, они в свое время обшарили там каждый закоулок, надеясь обнаружить что-нибудь интересное. И, вполне естественно, ничего не обнаружили – все, что можно было, народные умельцы утащили еще несколько лет назад. Из достопримечательностей Рудину запомнился лишь небольшой гальванический цех, располагавшийся на третьем этаже одного из корпусов. Там Ваня Соловей свалился в здоровенный бетонный колодец, но в последний момент успел зацепиться за край – и коллективными усилиями был вытащен на свет Божий. Когда цех действовал, в этот колодец, судя по всему, сливали что-то нехорошее – пахло какими-то дрянными химикатами. С этой достопримечательностью Сергей и хотел познакомить большого бандита...

Через пустующий проем ворот «Чероки» въехал на территорию комбината. Улюм вышел из салона, с минуту озабоченно осматривался. Стояла мертвая тишина, изредка нарушаемая сиротливым скрипом колыхаемых ветром листов жести, чудом уцелевших кое-где на крышах зданий. Комбинат занимал обширную площадь: несколько корпусов высидись на значительном удалении друг от друга, как памятники канувшей в Лету энтузиастической эпохи великих строек.

– Где? – поинтересовался Улюм у Рудина, жестом приглашая его покинуть машину.

– Третий корпус. – Рудин выпростался из салона, неопределенно кивнул черт знает в какую сторону и попросил: – Перекинули бы наручники! Там ветхое все – запросто можно загреметь. А руки перед собой – так хоть уцеплюсь за что-нибудь. Перекинули бы, а?

– Можно. – С минуту посомневавшись, Улюм достал связку ключей, скомандовал: – Сядь на землю. Ноги шире. Пойдет, – и перековал Серегу в положение «руки спереди».

– Вставай – показывай. – Улюм ткнул пальцем в сторону Буханки: – Ты останешься с этими. Дернутся – мочи. Болт, идешь за Псом, контролируешь. Я сзади. Давай.

– А ты совсем не герой, Николай, – неожиданно заметил Рудин, направляясь к третьему корпусу. – Давеча, у Димона: пацаны в дверь – ты в оконце. Риск минимальный. Сейчас – между мной и собой поставил Болта. А я про тебя наслышан – Рембо в квадрате, да и только. Врут, что ли?

– Ты не волнуйся – я в свое время башку достаточно подставлял, – ответил Улюм, тревожно озираясь по сторонам, он отчего-то чувствовал себя крайне неудобно, как волк, забравшийся на чужую территорию. – А теперь уже не в том возрасте, чтобы в войнушку играть. С каждым годом жить почему-то хочется все сильнее – а обстановка все сложнее... А ты, если думаешь Болту на мозги капать, – здорово ошибаешься. Придет и его время – за чужой спиной ходить. Если доживет...

Поднявшись на третий этаж корпуса, процессия завернула в гальванический цех и двинулась в его дальний конец. Приблизившись к колодцу, Рудин шепотом сообщил:

– Здесь. Веревка нужна – там внизу техническое помещение.

– А где веревку взять? – недовольно поинтересовался Улюм, заглядывая в колодец. – Вы не затарили, что ли?

– Ага, затарили. – Рудин скосил глаза на приблизившегося без спроса Болта, заглядывавшего в колодец. Нормально. Как и следовало ожидать, любопытство оказалось сильнее исполнительской дисциплины – теперь конвоиры стояли по обе стороны, рядом. Можно работать.

– Ннн-на! – крутанувшись на пятках, Рудин рубанул сцепленными руками по затылку Болта – «бык» вспорхнул ласточкой и рухнул в колодец, огласив тишину истошным воплем.

– Ннн-на! – Рудин мощно лягнул Улюма в пах – большой бандит сложился в поясе, Сергей тотчас же добавил обеими руками по голове, больно отбивая кулаки.

Улюм рухнул у края колодца – образцово «выключиться» не пожелал, крепок череп оказался – замычал нечто нечленораздельное, суча ногами. Подняв оброненный пистолет, Рудин отступил на пару шагов, прислушался: из колодца доносилось какое-то нездоровое бульканье и прерывистые хрипы.

– Наверно, все же кислота, – посочувствовал Рудин, направляя пистолет на Улюма. – Ключи отдай. Если нет – замочу, ключи все равно заберу. Быстро!

Дрожащей рукой достав из кармана куртки связку ключей, Улюм повернул голову в сторону колодца и на секунду застыл в нерешительности.

– Бросишь – яйца отстрелю и оставлю кровью истекать, – поспешил заверить противника Сергей. – А потом раскуюсь – вон, железяк хватает. Давай!

Ненавидяще глядя на Рудина, Улюм бросил на пол ключи. Освободившись от наручников, Сергей сообщил:

– Я тебя убивать не буду – по башке дам. Не потому что люблю как брата, просто хочу, чтобы вы с Сарановым знали – это не я. Понимаешь? Я не брад бабки – понятия не имею, о чем речь. Я не трогал Гришу – что я, совсем дурак, благодетеля обижать? Понимаешь? Я попал в какое-то дурацкое стечение обстоятельств – ума не приложу, как из него выкарабкаться. Но я выкарабкаюсь. Сейчас завалю Буханку, спрячусь с пацанами и буду разбираться. Все – бывай. – Приблизившись к бандиту, Рудин ухватил его за шиворот, приподнял и крепко стукнул головой о бетонный пол. Улюм замер. Взяв его за запястье, Рудин с полминуты подождал: признаков жизни не прослеживалось, но пульс присутствовал. Колодец молчал – несчастный Болт уже не боролся с химической стихией. Обшарив карманы Улюма, Рудин слегка помародерствовал: забрал толстую пачку сторублевых купюр, запасной магазин к «ТТ» и «Мотороллу», мобильный телефон оставил, рассудив, что пользоваться им будет проблематично.

Спустившись этажом ниже, Сергей поставил на верстак кирпич, отошел на двадцать шагов и произвел три прицельных выстрела, проверяя бой оружия. «ТТ» приветливо «пукал», не особенно тревожа тишину пустынного помещения: глушитель был хорошего качества, заводской.

– Ружьецо бы какое-никакое, – с сожалением буркнул Сергей, рассматривая раздробленный пулей кирпич – два первых выстрела ушли в «молоко». Рудин вдруг почувствовал себя не в своей тарелке – виртуозно владея любыми видами вооружения, имевшими длинный ствол и приклад, он не доверял карманным «пукалкам», считая пистолет не более чем бандитской игрушкой или узаконенным средством персонального суицида для командного состава Вооруженных Сил.

– Однако делать нечего – придется обходиться этим. – Посетовав таким образом, Сергей покинул здание, перемахнул через ограждение комбината и, крадучись двигаясь вдоль забора, направился к воротам.

Буханка в джипе не сидел – волновался отчего-то. Топтался у переднего бампера, неотрывно смотрел в сторону третьего корпуса и, приложив к щеке мобильный телефон, настойчиво бубнил что-то в трубку. В правой руке держал пистолет, нетерпеливо постукивая себя по бедру глушителем.

– А ты, наверно, услышал, как Болт искупался, – прошептал Рудин, наблюдая за «быком» из-за края проема. – А никто тебе не ответит – зря телефон насилуешь! И смотришь не туда – башкой крутить надо...

Выскочив из-за укрытия, Рудин поднял пистолет на уровень лица, вложил кулак с рукояткой в левую ладонь и медленно двинулся к джипу, целясь в «быка».

Когда до цели оставалось шагов пятнадцать, Буханка, уловив периферийным зрением какое-то движение сзади слева, резко обернулся и от удивления разинул рот.

Рудин остановился, прицелился, как в тире, краем глаза зафиксировал, что бандит поднимает пистолет от бедра, и три раза нажал на спусковой крючок.

«Быка» отбросило к джипу – испачкав дверь, он медленно сполз на землю и замер без движения.

– Попал, – нервно пробормотал Рудин, приближаясь к поверженному врагу. – Попал... Извини, братан, – ты мешал. А мы того... мы, пожалуй, поедem отсюда потихоньку...

Глава 2

Ву закрыл глаза и прислушался. Автомобильный мотор работал очень тихо. Старый кореец поднялся на пару ступенек и с любопытством выставил голову из колодца. Автомобиль прошелестел мимо, еле различимым во тьме черным сгустком уплотненной субстанции, за ним на незначительном удалении следовало нечто более громоздкое, похожее на большую тень. Ву суеверно вздрогнул – не иначе злой дух Бьен-Хак удосужился спуститься с ночного неба за грешной душой старого корейца, посчитав, что тот уже достаточно топчет эту землю.

– Четыре внучки маленькие, – залопотал было Ву по-корейски. – Хо не подымет одна – рано пришел. Иди обратно – мне пока нельзя к тебе...

Тень медленно пронеслась мимо, подпрыгнула на ухабе, громыхнув железом, – некоторое время раздавался характерный скрип автомобильных рессор. Ву, полжизни работавший в автомастерской, стряхнул мимолетное мистическое оцепенение и облегченно перевел дух. Значит, не время еще – рано покидать этот мир. Можно было бы сразу догадаться – это опять та белая женщина, что в течение недели шастает в ночное время по промзоне. Вчера и позавчера ее машина зазвучала по-другому: видимо, посетила мастеров. Не хочет, чтобы двигатель работал громко, видимо, что-то хитрое замышляет. Но Ву это не касается: лишь бы стрельбу не устроили да не распугали всю дичь...

Ву прикрыл лаз самодельной мелкоячеистой сетью и спустился в неглубокий сухой колодец: пару часов можно было вздремнуть, не напрягая слух, – результативная охота будет лишь под утро, когда хитрые звери устанут бродить по пустошам в поисках пищи и начнут сбиваться в небольшие стайки для дневного отдыха. К этому моменту нужно быть бодрым и свежим, а если вслушиваться всю ночь в загадочные звуки промзоны, к утру обязательно устанешь. Годы уже не те: 49 лет для корейца, вся жизнь которого состояла из одних мытарств, это весьма глубокий возраст – по всем канонам, надо бы с утра до вечера валяться под навесом на тахте и пить чай, лениво наблюдая, как в огороде трудятся твои здоровые дети.

– Ой-е, – тяжело вздохнул Ву, скрючиваясь на заботливо припасенном пучке соломы и накрываясь драной телогрейкой. – Может, пусть придет Бьен-Хак, заберет... Посмотрим, как вы справитесь без Ву...

Ву покинул родину лет двадцать назад – приехал в Союз, в числе многих соотечественников, искать лучшей доли. Поначалу получалось довольно сносно: осваивал Сибирь, жил в бараках с первопроходцами, которые не интересовались, какой ты нации, лишь бы стоящим человеком был. Ву, имевший профессию автомеханика, зарабатывал довольно прилично. Жили весело, бестолково, как принято в Сибири, как завещали деды-каторжане: вкалывай, пока не упал от усталости, а как упал – отдыхай, пей водку до беспамятства, гуляй с друзьями, крой баб, что под гузно подвернутся, дерись с кем попало. Корейцы, которые потолковее, в Сибири неплохо пристроились – заимели дома, хозяйство, прочно сели на землю. А Ву – душа-парень – так и продолжал гулять: даже женился под пьяную руку на соотечественнице, к которой на родине на длину рисового ряда не подошел бы. Хохотушка Хо обслуживала весь их барак – даже не за деньги, а так, за стол, выпивку, хорошее отношение суровых бородатых мужиков, которые никогда не называли ее блядью и уважали как личность. Сестричка. Примерно так именовался социальный статус корейской семнадцатилетней девчонки, потерявшей семью в перестрелке при переходе границы.

– Сестричка, что сапожки стоптаны? На бабки – купи себе новые... – Или так – примерно в таком же тоне: – Сестричка, чем занимаешься? Ничем? Ну так поди сюда, попрыгай на моем звере! Смотри, с утра торчит, хочет чего-то, гад...

Когда Хо простывала, лечили всем баракком – доставали черт знает откуда малину, гусиный жир, разные травы у шаманов добывали, на цыпочках ходили мимо ее комнатухи... А в

иное время, под пьяную руку, пользовали в несколько смычков, пока не вырубится да кровью исходить не начнет: мужики-то здоровые, матерые, а девчонка крохотная, одно слово – корейночка... Странные отношения, очень странные...

Женившись на Хо, Ву удрал с ней в Центральную Россию. Родили трех дочерей, долго жили в семейном общежитии авторемонтного предприятия – пока не наступили новые времена. Предприятие обанкротилось, имущество пустили с молотка, из общежития сделали платную гостиницу для базарных хачиков. Мыкались долгое время где придется – Ву не мог найти работу, поскольку все приличные места занимали русские; в отличие от вольного сибирского края в Центральной России к корейцам относились подозрительно, как к ненужному элементу, который, ко всему прочему, намеревается оттяпать у аборигенов законный кусок хлеба с маслом.

В настоящий момент семья Ву ютилась на одной из заброшенных дач, неподалеку от промзоны – на северо-западной окраине. Надежда на то, что дочери удачно выйдут замуж и богатые зятья будут кормить их с Хо, не оправдалась. Все три дочурки-погодки получились смазливými, имели пропорциональную фигурку и характером удались в мать: с двенадцати лет их с необъяснимой тягой влекло в постель к большому белому мужику – бороться с этой тягой было совершенно невозможно. Добро бы хоть деньги за это приносили, так нет же – спали со всеми подряд за так, ради дармового угощения с выпивкой, ради большой плотской любви. Плодом этой любви стали четыре дитяти женска пола – Ву уже и не помнил, кто из дочерей кого родил. Однако нетрудно было догадаться, какова будет судьба этих очаровательных пищалок, когда им стукнет лет двенадцать-четырнадцать...

– Ой-е! – прокряхтел Ву, ворочаясь под телогрейкой. – Зачем столько баб? Хоть бы один мужик получился – продолжатель рода...

Сегодня что-то не спалось – тревожно было на душе. Ву страшно не нравилось, что белая баба шастает по промзоне и чего-то вынюхивает. Он существовал за счет промзоны уже третий год, изучил нравы и обычаи тутошних обитателей и знал, что разведка подобного рода ничем хорошим не закончится. Каждый раз, как кто-то начинает втихаря перемещаться по пустошам и следить за кем-то, дело в конечном итоге заканчивается большой стрельбой. А после стрельбы всегда приезжают много вооруженных людей, прочесывают промзону, вспугивая привыкшего к определенному укладу зверя. После таких безобразий семья Ву несколько дней сидит голодная – пока зверь не успокоится и не придет обратно...

– Ой-е! – опять пробормотал Ву. – Зачем пришла, злая белая баба? Езжай обратно – спи...

Ву отлавливал собак. На обширных пустошах промзоны водилось великое множество разнообразных представителей песьей породы, удравших от прелестей цивилизации и объединившихся в небольшие стаи, по своей структуре и социальному укладу мало чем отличающиеся от волчьих.

С некоторых пор собаки составляли для семьи Ву основную пищу. Благодаря бездомным дворнягам не было необходимости зарабатывать деньги на приобретение дорогостоящих мясных продуктов – еда бесконтрольно бегала по пустошам, нужно было только пойти и взять ее. Этот промысел был практически безотходным: из шкур шили на зиму шапки и примитивные шубы, шерсть шла на душегрейки, варежки и носки, жир собачий являлся прекрасным лекарственным средством от многих заболеваний, которые массово посещали корейскую семью в зимний период.

Технология отлова была предельно простой и, на взгляд цивилизованного индивида, варварской до чрезвычайности. Нужно было подкрасться как можно ближе к отдыхающей стае, ловко метнуть сеть, по краям которой свисали несколько металлических шаров, и, подскочив, глушить дубиной все, что не успело за эти несколько секунд убраться восвояси.

Псы не подпускали Ву в дневное время. Устраиваясь на отдых, они выставляли «часового» (так думал Ву), который, едва учуяв постороннего, мгновенно поднимал тревогу. В этом случае стая, словно зная, что кореец является их заклятым врагом, стремительно уносилась прочь. Ночью приблизиться к ним тоже не представлялось возможным: шустрые четвероногие постоянно перемещались в поисках пищи, не останавливаясь ни на секунду. Более того, в этот период они были агрессивны и могли оказать достойное сопротивление, чреватое самыми непредсказуемыми последствиями. С течением времени Ву выработал универсальную тактику, которой с успехом пользовался на протяжении почти полутора лет. Нужно было прийти перед закатом на промзону, забраться как можно выше и внимательно наблюдать за миграциями стай: при тщательном анализе прослеживалась определенная система, позволявшая безошибочно определить, по каким маршрутам будут в ночное время шастать четвероногие. Затем, с наступлением темноты, необходимо было забраться в безопасное местечко и часа за полтора до рассвета пройтись по намеченным днем пунктам, чтобы на слух определить, где кучкуются наиболее крупные бандформирования шерстистых обидов. Последний этап был самым сложным: с первыми лучами рассвета следовало выследить место, где стая собирается укладываться на дневку, поймать ветер – чтобы дул от собак на охотника, и скрытно выдвинуться к стае. С рассветом псы на некоторое время впадали в состояние какой-то блаженной эйфории, особенно если удавалось ночью набить желудки. Перестав перемещаться, они собирались в кучу и принимались безобразничать: играть друг с другом, вздорно таявкать, выкусывать блох и так далее. В этот момент они утрачивали бдительность – оставалось только подскочить поближе и метнуть сеть.

В последнее время дела у Ву шли из рук вон. Раньше за ночь он привозил домой на небольшой самодельной тележке несколько собачьих трупов. Удавалось не только накормить семью, но и порой продавать мясо знакомым корейцам из города, выручая незначительные суммы на мелкие расходы. Но с каждым месяцем результат становился хуже: то ли слабели ноги у охотника, то ли хитрые псы стали ловчее: пока Ву бежал после броска к копошащейся сети, большинство четвероногих успевали выбраться из ловушки и убраться прочь. Бывало и так, что, просидев всю ночь на пустошах, охотник возвращался домой с пустыми руками. А настанет день, когда он не сможет точно бросить тяжелую сеть: все чаще болят отмороженные в Сибири суставы, ноют к непогоде, ломотной болью отдаваясь в голове. Если это случится зимой, семья скорее всего умрет от голода. В зимнюю стужу в полуразвалившейся даче плохо, особенно если нечем набить урчащий от хронической пустоты желудок...

...Удалившись от фармацевтического комбината, Ли заглушила двигатель, вышла из машины и некоторое время напряженно прислушивалась. Звуки стрельбы не возобновлялись, значит, все идет по намеченному плану. Преследователи, видя тщетность своих попыток, побежали вытаскивать из кустов замаскированные авто: пока они будут этим заниматься, рудинский «уазик» надежно выпадет из зоны их визуального контроля. Придется обшаривать все более-менее сносные пути движения в секторе между комбинатом и трассой. Очень приятно.

Ли приседа рядом с машиной, достала сигареты и осторожно прикурила от автозажигалки, пряча сигарету в кулаке. Жадно затянувшись, подсветила часы: для надежности следовало подождать минут пятнадцать. Отсюда до трассы немногим менее получаса неспешной езды: к тому моменту, как она выберется к крайнему выезду, люди Первого альянса должны успеть перехватить Рудина и снять ставшие ненужными посты на всех трех шоссе, ведущих в промзону.

Пятнадцать минут тянулись томительно долго. Ли успела выкурить три сигареты, несколько раз ощупала мешки, проверяя герметичность укупорки, и даже сделала специальную гимнастику, стараясь унять боль в пояснице – расстаралась, когда толкала ворота, теперь с месяц будет ныть, не отвяжется...

Дождавшись, когда упрямая минутная стрелка достала заветную цифру, Ли выбросила окурочек, села за руль и, включив двигатель, щелкнула тумблером ночного прибора. Двигаться с фарами пока нельзя: если руководитель поисковых работ от Второго альянса слабо разбирается в расположении объектов на местности, запросто может перепутать и послать людей обследовать ненужный сектор – тот самый, в котором в настоящий момент перемещалась Ли. Да и необязательно, чтобы руководитель был лопухом: люди Улюма – дети асфальта – вполне могут заблудиться в темноте и плутать до рассвета. В общем, не стоит без прибора, слишком опасно...

Экран прибора тревожно вспыхнул красным заревом, несколько раз мигнул и потух. Ли сорвала ремни с головы, осмотрела корпус: на блоке питания светилась медленно гаснущая красная точка – кончился заряд аккумулятора.

– Черт, – растерянно пробормотала дама. – Как же так, а?! Черт... Придется на ощупь ехать. Да, пожалуй – иначе никак...

С минуту Ли размышляла, сосредоточенно всматриваясь в ночь, убеждая себя в том, что в данной ситуации ее решение единственно верное. В принципе утрата прибора ночного видения не была катастрофой. Можно было дождаться, когда первые лучики солнца слегка разбавят мутную мглу, зависшую над пустошами, – полтора-два часа при сложившихся обстоятельствах ничего не решали. Активно прочесывать промзону люди Второго альянса начнут только тогда, когда рассветет, и то только в том случае, если Ли объективно просчитала их организаторские способности.

– Ну уж нет – я тут поседею за это время! – буркнула Ли, представив себе, что придется сидеть полтора-два часа и чего-то выжидать: тут за пятнадцать минут вся извелась! – Давай, железо, не подведи...

Тронув машину, Ли высунула голову в окно и, напряженно всматриваясь в смутно белеющую ленту грунтовки, осторожно поехала к трассе. Даже если двигаться такими черепашьями темпами, менее чем через час она приблизится к границе промзоны, а там уже можно будет включить фары и рвануть во все лопатки. Нет, рвануть – это слишком. Не хватало еще, чтобы после всего пережитого какой-нибудь полупьяный гаишник (или гибэдэдэшник – по-новому) тормознул за превышение скорости и принялся вымогать взятку! То-то будет потеха, когда она полезет в один из мешков за деньгами, а с гаишником от удивления случится припадок...

Приноровившись следить за еле различимой лентой грунтовки, Ли чуть прибавила скорость – и тут же поплатилась. Машину слегка подкинуло на ухабе, от неожиданности Ли резко нажала на акселератор: «БМВ» приемисто прыгнул наискось через дорогу, в какую-то неглубокую рытвину. По ушам резанул противный скрежет давимого стекла, затем послышался негромкий свист пробитых скатов – сначала правого переднего, затем левого.

– Нет-нет, ребятки – не надо! – взмолилась Ли, не желая верить в случившееся. – Нет, только не это!!! Пусть лучше меня изнасилуют какие-нибудь «отморозки»...

Выбравшись из машины, Ли обеими ногами угодила на кучу битого стекла. Осторожно ступая, обошла вокруг, пощупала скаты – так и есть, два передних приказали долго жить.

– Ну, если б ты мне сейчас попался, животное!!! – сквозь зубы простонала Ли. – Да я бы тебя на ку-соч-ки!!! На кусочки разорвала бы!!! Тварь поганая, гадина... – и так далее. С минуту прекрасная дама изрыгала ругательства ненормативного характера, никак не сочетающиеся с хрестоматийным образом женщины-матери. Или женщины-сестры. Женщины, одним словом. Все это предназначалось тому нехорошему человеку, который высыпал в рытвину пару кубометров стеклотары, не удосужившись довезти оную до свалки. А самое обидное – Ли неоднократно проезжала мимо этой рытвины накануне, производя подготовку к акции. Куча стекла была заметна издали, рытвина отстояла от грунтовки метров на пять-семь, предположить, что на малом ходу она умудрится в нее зарулить, Ли никак не могла.

– Дура, Господи, какая дура! – плаксиво воскликнула Ли. – Профи, мать твою! Все, все предусмотрела, а это... – В отчаянии махнув рукой, она прихватила свою сумку и выбралась на грунтовку.

Тащить мешки – абсурд. Как раз к полудню дотянет, если не изорвет по дороге в клочья. Срочно нужна была машина. Долго не раздумывая, Ли быстренько дала пару туров вокруг рытвины, впитывая окружающий ландшафт, и скорой иноходью припустила по грунтовке по направлению к трассе...

– ...Еще... Еще... Еще... Так... Угу, угу... Так...

– Может, хватит? Куда, к черту...

– Еще!

– Ну, блин, ты даешь! На, блин, получай!

– Очко.

– Чего?

– К отоларингологу как давно обращался? Очко!

– А ну, дай посмотреть!

– На. Вы что, батенька, – думаете, старый эскулап вас может надуть? Нехорошо. Людям следует доверять...

– Точно, очко... Черт! Опять ты нас разул, Алексаныч. Все – бабки кончились.

– Давай под запись. Или слабо?

– Шура, будешь под запись?

– Давай ставку вдвое сбавим – тогда буду.

– Алексаныч?

– А что с вами поделать? Давай сбавим вдвое...

Трое баловались в «очко». Для слишком продвинутых, которые при прочтении предыдущего предложения криво ухмыльнулись, поясняя: не подумайте плохого – это такая карточная игра.

Трое сидели в небольшой комнатухе с вытяжкой – окна отсутствовали, – лениво пили надоевший чай, отирали со лбов обильный пот и периодически стукали о замызганный пластик лабораторного стола железными рублями.

Комнатуха размещалась в подвале кожвендиспансера – мрачного двухэтажного здания дореволюционной постройки, расположенного в десяти километрах от города, на выезде из поселка Белово. Четвертой стены у комнатухи не было: ее замещала толстая решетка от пола до потолка, в которой имелаась небольшая, решетчатая же дверь. Эта неполноценная стена позволяла, не выходя из комнаты, обозревать весь коридор, по одной стороне которого размещались с десятков обитых войлоком дверей, запертых на массивные подвесные замки.

– Леха! Из первой просится в душ! – крикнул где-то в самом конце коридора гнусавый голос. – Выпустишь?

Леха – высокий худощавый блондин лет тридцати – плотоядно ухмыльнулся и великодушно преложил товарищам:

– Хочет кто?

– Грех смеяться над больным человеком, – не отрывая взгляда от карт, заявил один из игроков, пожилой плешивый дядечка в хорошем костюме. – Ты же знаешь – я давно забыл, как это делается.

– А у меня сегодня критический день, – отказался второй картежник – коренастый чернявый парень Лехиного возраста. – Не стоит.

– На каком слоге ударение? – дурашливо прищурился Леха, вставая со стула и снимая со стены металлическое кольцо с ключами. – Можешь не отвечать – знаю. Вы того – минут пятнадцать как-нибудь без меня. Пойду выведу...

Покинув зарешеченную комнату, Леха прошел по коридору к первой от входа двери, отомкнул замок и официальным тоном продекламировал:

– Извольте брать ванну, сударыня!

«Сударыня» – миниатюрная хорошенькая особь лет двадцати пяти, восседавшая на убогом топчане в одних трусиках, – медленно встала и, заторможенно двигаясь, вышла из камеры.

– В душ через палку, – напомнил Леха, мгновенно замаслевшим взглядом окидывая соблазнительные линии и выпуклости прелестной затворницы. – Правило номер три нашего заведения. Не забыла?

«Сударыня» медленно помотала головой и пошлепала босиком по бетонным плитам в конец коридора. Леха двинулся сзади, на ходу снимая через голову мокрую от пота рубашку и не отрывая взгляда от перемещавшихся спереди, волнительно перекатывавшихся при каждом движении половинок, едва прикрытых шелковым лоскутом. В подвале было жарко, под потолком пролежала толстая труба центрального отопления, тянувшаяся от расположенной неподалеку котельной.

Добравшись до небольшой кабинки душевой, Леха отрегулировал температуру и напор воды, картинным жестом пригласил:

– Прошу!

«Сударыня» медленно переступила через резиновый порожек, встала под тугие струи и блаженно зажмурилась. Оставив дверь чуть приоткрытой, Леха некоторое время любовался обнаженной фигурой, чувствуя, как в его молодом организме послушно просыпается всегда готовый к действию демон плотского желания.

Сзади слышалось надсадное сопение: не оборачиваясь, Леха процедил сквозь зубы:

– Никита! Зашибу. Подглядывать нехорошо!

Сопение удалилось – горбун счел нужным ретироваться, дабы не испытывать судьбу: бывали случаи, когда такого рода угрозы после недолгих размышлений претворялись в жизнь в виде увесистой затрещины – в зависимости от настроения начальника охраны.

Решив, что достаточно уделил времени лицемерию обнаженной плоти, Леха быстро разоблачился донага, шагнул в душевую и прикрыл за собой дверь.

– Иди к дяде, малышка. – Влез под струи, поймал в объятия скользкое тело, припечатал «сударыню» спиной к кафелю и, ловко подхватив под колени, поднял на весу, примериваясь, хватит ли сил на всю дистанцию или лучше вернуться в камеру – на топчан. И не примерился: вздыбившийся признак мужественности самопроизвольно угодил головкой в преддверие райских врат и начал медленно погружаться в горячую расщелину.

– Ох! – от неожиданности выдохнул Леха, замер на секунду и без подготовки вторгся в податливую плоть. – Ох ты! – и погнал резкими толчками, вздергивая легкое тело на себя, покрикивая от избытка чувств.

Дверь душевой скрипнула – в мир Лехиной похоти вновь вторглось надсадное сопение любопытствующего горбуна.

– Убью! – прорычал Леха, несколькими мощными толчками завершая процесс. – Убью-юуу!!! Пшел вон!

Опустив предмет реализованного вожделения на пол, Леха немного постоял под душем, приходя в себя. Сопение исчезло вместе со слюнявой рожей горбуна, «сударыня» безучастно стояла рядом, стирая свои трусики и не глядя на голого мужика, словно он являлся привычной составной частью ее безрадостного существования.

– Ну, все, – недовольно буркнул Леха, выпроваживая даму из душевой. – Помылась, постиралась, мужика получила – свободна. Никита – на место ее!

Шлепанье босых ног удалилось в конец коридора. Выключив душ, Леха, не вытираясь, облачился в штаны, закурил и присел на корточки у двери душевой, размышляя о сущности бытия...

В подвале кожвендиспансера располагался импровизированный сборный пункт, где содержались отловленные накануне дамочки, предназначенные для перепродажи в иноземное агентство сомнительной направленности, которое специализировалось на поставках живых игрушек для состоятельных клиентов. Данное предприятие принадлежало небезызвестному Кошелю и являлось одной из весьма доходных частей его многопрофильного преступного промысла. Все лица мужеска пола, находящиеся в данный момент в подвале, являлись соучастниками деяния, предусмотренного ст. 126 (ч. 3) УК РФ «Похищение человека», и вполне могли рассчитывать на значительные сроки в том случае, если бы их деятельность стала объектом пристального внимания правоохранительных органов. Но они не рассчитывали. Авторитет Вора являлся надежной защитой от различных неприятностей, связанных с законами, предприятие было организовано вдумчиво и планомерно, с учетом всех особенностей и специфики нашего криминального времени. Кроме того, все четверо о таких понятиях, как «зона» или «СИЗО», имели самое отдаленное представление: блондин Леха, его помощник Шура, пожилой Алексаньч, а также горбун Никита никогда не привлекались к уголовной ответственности. Алексаньч являлся заведующим кожвендиспансера, Леха и Шура числились в оном диспансере санитарями, а горбун Никита взят был из разорившегося интерната для умственно отсталых, отмыт, накормлен и приставлен к делу.

Горбун жил в «сборном пункте» неотлучно: ютился в той самой комнатухе, где сейчас играли в карты особи с более развитым интеллектом, ревностно следил за пленницами и никого не пускал в подвал – кроме Алексаньча, начальника охраны Лехи и троих его помощников, в обязанность которых входило в течение суток дежурить с Никитой на предмет внезапного осложнения обстановки и помогать Лехе с Алексаньчем во время «рейдов».

Механизм транспортировки претенденток за рубеж никого из вышеперечисленных не волновал: раз в две недели приезжал специально оборудованный фургон, закамуфлированный под рефрижератор, забирал все, что удалось отловить за это время, и увозил черт знает куда. А отловить удавалось не так уж и много: пять-шесть единиц при самом благоприятном стечении обстоятельств. Дело в том, что существовали жесткие критерии отбора претенденток, нарушение которых сурово каралось работодателями. Нет, никого не били по голове, не покушались на мужское достоинство (а многие продвинутые товарищи считают, что в воровской среде непокорных наказывают исключительно таким вот образом), даже не ругали, как это принято на наших российских предприятиях. Если «товар» не соответствовал кондициям, работодатель просто ничего не платил: получалось, что две недели они вкалывали за красивые глазки. Просто и доходчиво. Однако такие промашки случались крайне редко: работодатель знал, кого нанимать на службу. Леха и его трое помощников в недалеком прошлом являлись врачами Белогорской психиатрической больницы, которую ловкие отцы города под эгидой тотального кризиса благополучно упразднили до рядового отделения областной больницы имени Павлова. Умение разбираться в людях было составной частью их прежней работы, которая приносила нищенский доход: на нынешнем поприще они использовали это умение в полном объеме, поскольку получали за профессионализм весьма приличные деньги.

Требования, предъявляемые к «товару», были просты и незатейливы. Безусловная внешняя привлекательность. Определенный опыт в сексуальной сфере и наличие соответствующего психотипа, позволяющего «товару» быстро адаптироваться в нетипичных условиях, – не было смысла отлавливать недотрог, которые, очнувшись после ударной дозы хлороформа, мгновенно вскрыли бы себе вены от безысходной тоски по маме с папой. Независимость и даже некоторая «ненужность»: крайне желательно, чтобы пропавшую дамочку с первой же минуты отсутствия не бросились искать все правоохранительные органы, влиятельные родственники и могущественные покровители. Вот, собственно, и все.

Вышепоименованные требования диктовали стиль работы: прежде чем осуществить экстракцию объекта из общественного уклада, этот объект следовало тщательно изучить и подго-

товить почву для безболезненного перевода в новое качество. А еще объект необходимо было всячески запугивать и «мариновать» в невыносимых условиях – дабы любое последующее улучшение режима воспринималось как счастливое избавление от ненавистного плена и служило стимулом для хорошего поведения. Последнее требование персонал «сборного пункта» игнорировал как маразматическую крайность: несмотря на всю преступность своей деятельности, бывшие психиатры садистами не были, напротив, в повседневной жизни слыли покладистыми и добрыми мужиками, добропорядочными отцами семейств. Плетка, наручники и пара резиновых палок невострезбованно висели в комнатухе Никиты – для поддержания относительного порядка в камерах подвала вполне хватало ежесуточной дозы аминазина, по два кубика которого Алексаныч педантично вводил всем без исключения пленникам ровно в 22.00. Инъекции производились вечером вовсе не из-за склонности прекрасных дам буйствовать в ночное время. Дело в том, что слабоумный горбун Никита после указанного срока оставался в подвале один на один с женщинами до самого утра, остальные члены «психбригады» отправлялись на охоту...

Покури́в, Леха присоединился к вспотевшим картежникам, которые не замедлили перекинуться оживленными репликами по поводу отсутствия начальника охраны. Беспорядочные половые связи с временными обитательницами подвала были еще одним нарушением режима: работодатель такие штуки не приветствовал, поскольку прозорливо предполагал, что мужик без патологии, украдкой вкусив совместно с дамой большущую порцию плотского восторга, не сможет в последующем истязать эту даму и оказывать на нее психологическое давление. Он становится как бы соучастником непотребного акта ослушания, сочувствующим, страдающим... Одним словом, выпадает из режима функционирования. А душ – это вообще из ряда вон. Объект должен как можно дольше купаться в собственном поту, ощущать запах своего немытого тела, полную зависимость и ничтожество – дабы потом любые послабления показались райской благодатью...

– А если они всем гамузом попросятся в душ? – в очередной раз обчистив до нитки незадачливых игроков, поинтересовался Алексаныч, поглядывая на часы – приближалось время введения вечерней дозы. – Ты их всех сразу будешь обслуживать?

– Я просто отступлю от принципа, – скромно признался Леха. – Пусть себе моются – жалко, что ли? На всех меня не хватит. Шура вон вообще систематически игнорирует мой принцип – за так в душ выпускает.

– Ясно с вами, сатрапы херовы, – благодушно буркнул Алексаныч, складывая листок с проигранными записями в карман и вставая. Существующее положение дел его вполне устраивало, поскольку парнями можно было легко управлять, шантажируя перспективой «сдачи» Вору. – Собирайтесь давайте. Сейчас уколою попки, и поедем работать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.